

И.Б. БЕЛОВА

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В РУС- СКОМ И СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

Число солдат и офицеров, попавших в плен за годы Первой мировой войны, превосходит общее количество военнопленных за всю предшествующую историю. В 1914–1918 гг. в плену оказался каждый девятый от общей численности мобилизованных на войну¹.

Начало осмыслению проблемы плена положили современники Первой мировой войны. С 1915 г. издавались сборники нормативно-правовых актов, определявших положение военнопленных в Российской империи, стали появляться воспоминания офицеров, вернувшихся из плена.

В 1920 г. была издана книга Н.М. Жданова “Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.” В исследовании, кроме русских военнопленных, автор уделил внимание вопросу размещения вражеских военнопленных на территории России, рассказал о деятельности Русско-германской и Русско-австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, созданных в 1918 г. после заключения Брестского мира².

Основным направлением исследований советских авторов была история интернациональных формирований из бывших военнопленных, принимавших участие в Октябрьской революции и гражданской войне в России³.

Анализу работ советских историков по этой тематике посвящены статьи И. Муратова и Н.В. Суржиковой. Основной вывод И. Муратова: кроме марксистских групп в лагерях военнопленных действовали и другие политические организации, стремившиеся захватить идейное руководство военнопленными в свои руки⁴. Н.В. Суржикова отмечает, что советские историки, занимаясь поисками классового сознания у пленных, считали случаи отказов от работ доказательствами наличия у пленных классового сознания. Н.В. Суржикова берет под сомнение утверждение о безусловной добровольности и осознанности участия беспартийных пленных в защите завоеваний революции,

Белова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

¹ *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери. – Мировые войны XX века, в 4-х кн., кн. 1. М., 2002, с. 629.

² *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920.

³ *Весенин Е., Светлов А.* Миллионы друзей. М., 1940; *Голуб П.* Братство, скрепленное кровью. М., 1958; *Комарова Ф.А.* Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960; *Яковлев Л.И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами советской России. 1917–1922. М., 1964; *Интернационалисты в боях за власть Советов.* М., 1965; *Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов.* М., 1967; *Октябрьская революция и пролетарский интернационализм.* М., 1970; *Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972; *Краснов В.Г.* Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989.

⁴ *Муратов И.* Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах. – Военно-исторический журнал, 1960, № 5.

когда из центра поступали требования организовать выступления военнопленных под “правильными” лозунгами, например, “долой войну!”. Историк полагает, что статистические данные о партийности военнопленных-иностранцев в Сибири являются “довольно скромными”, а массовость военно-революционных выступлений военнопленных требует точной оценки⁵.

Вопрос, нашедший отражение в ряде исследований как советского, так и постсоветского периода – численность вражеских военнопленных. Н.М. Жданов привел данные Центрального комитета по делам военнопленных об общей численности иностранных военнопленных в России на конец войны: 1 782 966 чел., в том числе австро-венгерской армии – 1 587 099; германской – 152 760; турецкой – 42 988; болгарской – 199 чел. При этом Н.М. Жданов отмечает, что точных сведений о численности военнопленных в России не было в течение всех лет войны⁶, а по картотеке Центрального Справочного Бюро общая численность иностранных военнопленных составляла 1 950 113 чел.

Е.З. Волков также называет разные данные о численности военнопленных: 1 млн 961 тыс. и 2 млн 467 тыс.; более точной он считает последнюю цифру⁷. И. Шнейдер численность военнопленных в России определяет приблизительно в 2 млн чел., в том числе австро-венгерской армии – 1 млн 724 тыс., германской – 187 тыс., турецкой и болгарской – 50 тыс.⁸; он ссылается на “точные статистические сводки”, но не указывает конкретный источник. Н.А. Попов приводит данные о численности иностранных военнопленных в России со ссылкой на первое издание Большой советской энциклопедии – 2,3 млн пленных австро-венгерской и турецкой армий и 167 тыс. немецкой, а также на данные Международного Красного Креста – 2 342 378 чел.⁹ Ю.А. Поляков, ссылаясь на сборник “Интернационалисты”¹⁰, приводит численность иностранных военнопленных по данным Международного Красного Креста – более 2,3 млн и по данным Центроплембежа – более 2,1 млн чел.¹¹

В постсоветской историографии вопрос о численности русских и иностранных военнопленных Первой мировой войны затронут в работах С.Н. Васильевой и А.И. Степанова. С.Н. Васильева приводит данные о количестве военнопленных армий противников в России, собранные представителями Международного Красного Креста – 2 342 378 солдат и офицеров; численность военнопленных австро-венгерской армии определяется в 2 млн 110 тыс., а германской – в 190 тыс. чел.¹²

А.И. Степанов отмечает, что русская армия взяла в плен около 2 млн солдат и офицеров противника, из них 159 390 немцев, 1 736 764 австро-венгров, 64 509 турок, 670 болгар. К концу 1917 г. из военнопленных были сформированы чехословацкий, польский и сербский легионы, общей численностью 157 тыс. чел. В 1918 г. в рядах красных и белых сражались 127 тыс. легионеров из бывших военнопленных и 300 тыс. интернационалистов¹³.

Важным направлением исследований советского и постсоветского периода было изучение деятельности советских эвакуационных органов. Работу органов Центральной

⁵ Суржикова Н.В. Военнопленные-интернационалисты и гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Гражданская война на Востоке России”. Пенза, 2008.

⁶ Жданов Н. М. Указ. соч., с. 281.

⁷ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М. – Л., 1930, с. 75–77.

⁸ Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. – Борьба классов, 1935, № 3, с. 54.

⁹ Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны. – Вопросы истории, 1963, № 2.

¹⁰ Интернационалисты. М., 1967.

¹¹ Поляков Ю.А. Историческая наука. Люди и проблемы, кн. 3. М., 2009, с. 86.

¹² Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999.

¹³ Степанов А.И. Указ. соч., с. 630.

коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)¹⁴ по идейно-политическому воспитанию иностранных военнопленных рассматривают Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц¹⁵. Соавторы отмечают, что военнопленным Четверного союза с начала 1918 г. была предоставлена свобода, но так как миллионы русских военнопленных еще находились в плену, власти снова стали собирать в лагерях и казармах бывших пленных, которые ещё не успели уехать на родину. Эта мера вызвала “некоторые нарекания” со стороны военнопленных-интернационалистов, усмотревших в ней отступление от социалистических принципов советской власти. Авторы приводят численность военнопленных в Казани, Симбирске и Саратове, пожелавших принять советское гражданство – 69, 168 и 260 чел. соответственно. Отметим, что в данном случае показательны не абсолютные цифры, а отношение численности пожелавших переменить гражданство к общему числу военнопленных в каждой из этих губерний. Многие военнопленные, считают Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц, поддавались на “провокации контрреволюционеров”. Деятельность иностранных комиссий попечения о пленных в России называется ими “подрывной работой среди военнопленных”. В качестве подтверждения эффективности политической линии большевиков приводятся данные об организации в 1918 г. отряда интернационалистов в Самаре и Пензе; в последней – численностью 100 чел.

Военно-политической деятельности И.С. Уншлихта, возглавлявшего с апреля 1918 г. по январь 1919 г. Центропленбеж, посвящено диссертационное исследование М.В. Веселова. В работе анализируется деятельность Центропленбежа по пропаганде и агитации среди военнопленных и беженцев. Отмечается, что более 20 тыс. иностранных военнопленных и беженцев–членов революционных организаций в России были отправлены на родину в 1918 г. для распространения идей мира, свободы и равноправия, что в Красную армию вступило более 50 тыс. иностранных военнопленных. К концу 1918 г. благодаря усилиям Центропленбежа большая часть иностранных военнопленных, “временно находившихся” на территории советской России, была реэвакуирована в свои государства¹⁶. Отметим, что массовое возвращение на родину в 1918 г. как русских, так и иностранных военнопленных было вызвано революционными событиями в Центральных государствах, а не усилиями Центропленбежа. Этот процесс имел стихийный характер¹⁷.

Смоленский историк И.П. Щеров в работе “Военная миграция в России в 1914–1922” освещает некоторые вопросы, связанные с деятельностью Центропленбежа. И.П. Щеров приходит к выводу о позитивном отношении мигрантов к советской власти, так как значительная их часть служила в Красной армии “добровольно или по мобилизации”. Заметим, что не менее значительная часть иностранных военнопленных служила в Белой армии, а еще более значительная их часть предпочла не участвовать в Гражданской войне в России. Бывшие пленные, не участвовавшие в военных действиях, по мнению автора, “в основном являлись убежденными проводниками идей большевизма среди мирного населения страны”. Это утверждение, к сожалению, не подкрепляется доказательствами.

И.П. Щеров подчеркивает, что его материал о работе коллегий по делам пленных и беженцев является новой страницей в российской историографии, так как “материал о вышеуказанных советских организациях – “белое пятно” в изучении истории Граж-

¹⁴ Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж) была учреждена декретом СНК от 23 апреля 1918 г. в составе комиссариата по военным делам для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев.

¹⁵ *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982.

¹⁶ *Веселов М.В.* Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918–1930 гг.). М., 1991 (Автореферат канд. дисс.), с. 17.

¹⁷ *Белова И.Б.* Долгая дорога домой. – Военно-исторический журнал, 2013, № 1.

данской войны в России”¹⁸. Однако материал о работе органов Центропленбежа не является “новой страницей” в отечественной историографии. В работах Э.П. Нечаевой и С.В. Лившица, выполненных в 1982 г., освещается эвакуационная и идейно-политическая работа Центропленбежа среди русских и иностранных военнопленных¹⁹.

А.П. Исаев, исследуя взаимоотношения российских органов управления и военнопленных противника в 1917–1922 гг., пришел к заключению о слаженной и высокоэффективной работе управленческих структур, эвакуировавших из России в 1918–1920 гг. 1 млн иностранных военнопленных²⁰. Если это так, почему для выезда из страны другой половины военнопленных понадобилось почти 5 лет? Отметим, что с ноября 1918 г., (после аннулирования Брестского мирного договора) и до заключения начиная с 1920 г. соответствующих международных соглашений обмен военнопленными не производился. Отъезд на родину большинства военнопленных в этот период имел в основном неорганизованный характер. Следовательно, о “слаженной и высокоорганизованной” работе советских управленческих структур говорить не приходится.

Разработка таких вопросов, как правовое положение иностранных военнопленных Первой мировой войны в имперской и советской России, условия их труда и повседневной жизни в плену, активно началась в отечественной историографии с конца 1990-х годов. Отметим работы С.Н. Васильевой, ставшие одними из первых по данной проблеме. С.Н. Васильева анализирует “Положение о военнопленных”, определявшее их правовой статус, и делает вывод, что Россия предоставила военнопленным права, полностью соответствовавшие международным нормам. Освещая вопрос о привлечении военнопленных к труду, С.Н. Васильева приходит к выводу, что в среднем на работах использовалось около 50% военнопленных, причем наиболее активно – в 1916–1917 гг.²¹

Интерес у современных исследователей вызывает вопрос о политике российских властей в отношении военнопленных-славян, а также о вступлении военнопленных в национальные воинские части, формировавшиеся на территории России в годы Первой мировой войны. С.А. Солнцева в статье “Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты)” говорит о привлечении, при активном участии Союза чехословацких обществ в России, начиная с 1915 г. военнопленных чехов и словаков в боевые части русской армии. По мнению С.А. Солнцевой, политика Временного правительства по отношению к военнопленным продолжала дореволюционную²².

Созданию в годы Первой мировой войны в русской армии воинских формирований из военнопленных-славян посвятил ряд статей С.Н. Базанов²³. Автор отмечает, что национальные (чешские, сербские) подразделения в составе русской армии формировались главным образом по политическим соображениям, для борьбы против Австро-Венгрии. Сформированная Чехословацкая дружина превратилась к сентябрю 1917 г. в отдельный Чехословацкий корпус численностью 45 тыс. чел. Сербские военнопленные

¹⁸ *Щеров И.П.* Военная миграция в России в 1914–1922. М., 2001 (Автореферат канд. дисс.).

¹⁹ *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению...; *их же.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.). Куйбышев, 1982.

²⁰ *Исаев А.П.* Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922 гг.). СПб., 1998 (Автореферат канд. дисс.).

²¹ *Васильева С.Н.* Указ. соч., с. 86, 96.

²² *Солнцева С.А.* Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты). – Вопросы истории, 2000, № 4–5; *ее же.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь). – Вопросы истории, 2002, № 1.

²³ *Базанов С.Н.* Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны. – Патриотизм – духовный стержень народов России. М., 2006; *его же.* Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне. – Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки. М., 2013.

составляли вначале отдельный отряд, а к октябрю 1917 г. – Сербско-Хорватско-Словенский корпус численностью 30 тыс. бойцов. Польские соединения появились в январе 1917 г. К октябрю 1917 г. их численность составляла почти 25 тыс. штыков и сабель²⁴. По мнению С.Н. Базанова, идеологическая политика Царского и Временного правительств в отношении военнопленных имела национальную направленность. Большевики же предпочли классовый подход, отвечавший их внешне- и внутривнутриполитическим целям. Большинство военнопленных не участвовало в Гражданской войне в России, некоторые из них служили в Красной армии, другие – в различных антисоветских формированиях.

В.В. Нигматов отмечает, что воевать на стороне России в создаваемых национальных воинских подразделениях вызвались немногие военнопленные-славяне, находившиеся в Воронежской губернии²⁵. А.Н. Курцев привел данные о вступлении в добровольческие части, воевавшие на стороне русской армии, лишь “некоторых военнопленных”, находившихся в губерниях Центральной России²⁶.

В.Ж. Цветков посвятил статью истории Чехословацкого корпуса в России²⁷. В статье отмечается, что в октябре 1914 г. Чехословацкая дружина выступила на фронт в составе 3-й русской армии и участвовала в Галицийской битве. Было разрешено принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. В марте 1918 г. части Чехословацкого корпуса действовали вместе с Украинской советской армией против немцев. С мая 1918 г. корпус вел вооруженную борьбу с “красными”. По мнению В.Ж. Цветкова, главной причиной “мятежа” Чехословацкого корпуса послужило нарушение советской стороной под давлением Германии соглашения, гарантировавшего чехам и словакам беспрепятственное продвижение к Владивостоку и репатриацию по морю в Европу.

Особенности положения военнопленных в различных регионах России нашли отражение в исследованиях последнего десятилетия²⁸. Ставропольский историк И.В. Крючков исследует особенности положения военнопленных стран Четверного союза в степных районах Центрального Предкавказья²⁹. И.В. Крючков пришел к выводу, что положение военнопленных Германии и ее союзников на Ставрополье отличалось в лучшую сторону: в Ставропольской губернии имелись значительные запасы продовольствия. Отсутствие в губернии крупной промышленности способствовало тому, что труд основной массы военнопленных применялся на сельскохозяйственных работах. Падение дисциплины и производительности труда, массовый характер побегов военнопленных как проявление распада сложившейся системы распределения и управления военнопленными исследователь датирует летом 1917 г.

²⁴ Базанов С.Н. Создание воинских формирований из военнопленных славян в годы Первой мировой войны. – Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб., 2012, с. 110–111.

²⁵ Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии. – Воронежский вестник архивиста, вып. 2. Воронеж, 2004.

²⁶ Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. На примере Центрально-Чернозёмного региона. – Уч. зап. Курского государственного университета, 2011, № 3 (19), т. 2 (электронный научный журнал).

²⁷ Цветков В.Ж. Мятеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны. – Родина, 2001, № 6.

²⁸ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии. 1914–1918 гг. Великий Новгород, 2001 (Автореферат канд. дисс.); Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2004 (Автореферат докт. дисс.); Талалин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918). Омск, 2005 (Автореферат канд. дисс.); Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2006 (Автореферат канд. дисс.).

²⁹ Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.

Положение военнопленных на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) стали предметом изучения Т.Я. Иконниковой. Историк приводит численность военнопленных на территории Приамурского военного округа: 40–45 тыс. чел. Среди пленных преобладали немцы как германской, так и австро-венгерской армий. Численность военнопленных турецкой армии, прибывших с Кавказского фронта составляла 1 936 нижних чинов и 9 офицеров. В работе отмечается, что серьезные проблемы возникли с организацией лагерей и охраны военнопленных: в гарнизонах не хватало офицерских кадров. Охрана военнопленных возлагалась на ополченцев. Питание в лагерях военнопленных, как показывали проверки, было вполне нормальным. По мнению Т.Я. Иконниковой, с началом Гражданской войны, следуя стремлению к самосохранению, большинство оставшихся в лагерях военнопленных не вмешивалось в кровавые внутрироссийские события. Массового перехода военнопленных в советское гражданство не наблюдалось. С осени 1920 г. в связи с закрытием лагерей военнопленных перевели на “вольное содержание”. Бывшие пленные были объявлены свободными гражданами Дальневосточной Республики. К середине 1921 г. при помощи иностранных консульств и миссий Красного Креста последние иностранные военнопленные покинули Владивосток³⁰.

Пребыванию иностранных военнопленных на Дальнем Востоке в 1914–1922 гг. посвящены 2 главы докторской диссертации Е.Ю. Бондаренко³¹. В работе сказано, что венгерские военнопленные, стремясь освободиться из лагерей, вступали в партию большевиков и Красную армию; их репатриация началась после демобилизации в 1921 г. Отмечается, что основная масса военнопленных чехословаков на Дальнем Востоке действовала против Советской власти, что 2 чехословацких полка были разоружены и заключены в тюрьму. Репатриация чехов и словаков из Владивостока началась в 1920 г. и продолжалась, по мнению автора, до 1923 г.

В статье Д. Люкшина освещается положение военнопленных на территории Казанской губернии³². Отмечается, что в 1915 г. военнопленные работали на селе в основном в помещичьих экономиках; в 1916 г. их труд широко использовался в крестьянских хозяйствах. Обычно крестьяне хорошо кормили своих работников-военнопленных и не проявляли к ним враждебности. Попытки побегов были крайне редкими.

Различные аспекты пребывания военнопленных в Саратовском Поволжье исследует А.В. Калякина³³. Она отмечает, что максимальная численность военнопленных в регионе в 1916 г. достигла 32 тыс. чел. До 85% военнопленных распределяли на работы в аграрном секторе, преимущественно в мелкие крестьянские хозяйства. До конца 1918 г. помощь иностранным военнопленным оказывали датская и шведская миссии Красного Креста, в основном денежными пособиями, с 1916 г. до февраля 1917 г. – американское консульство в Москве. В регионе почти отсутствовал надзор за пленными. Отказы от работ и побег пленными имели место, но массового характера они не принимали. А.В. Калякина отмечает, что венгерские и немецкие коммунистические ячейки из военнопленных были созданы в феврале 1918 г. в Саратове, Балакове, Царицыне, они боролись с контрреволюционными настроениями в своей среде, занимались вербовкой в Красную армию. Интернациональный отряд военнопленных в Саратовском гарнизоне состоял из 400 чел.; в 1921 г. отряд участвовал в подавлении крестьянских восстаний.

Э.С. Идрисов, рассматривая пребывание военнопленных на Южном Урале, на примере Оренбургской и Уфимской губерний отмечает, что труд военнопленных с

³⁰ Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004, с. 19–22, 54, 144, 161, 166.

³¹ Бондаренко Е.Ю. Указ. соч.

³² Люкшин Д. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта. – Россия и Германия в XX веке, т. 1. М., 2010.

³³ Калякина А.В. Подданные стран – участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.). Саратов, 2013 (Автореферат канд. дисс.).

1915 г. применялся преимущественно в аграрном секторе. Отказы от работ, побегі военнопленных не были массовыми даже после февральских событий 1917 г.³⁴ В годы Гражданской войны часть иностранных военнопленных была втянута большевиками в классовую борьбу на Южном Урале. Часть иностранных военнопленных оказалась в лагере белых.

Положение военнопленных на территории Западной Сибири с июля 1914 по март 1918 г., их численный состав, условия размещения, надзора и использования анализируются в работе А.Н. Талапина. Автор определяет количество иностранных военнопленных в Западной Сибири в 150–200 тыс. чел., говорит (вопреки утверждениям многих советских и некоторых российских авторов) об отсутствии свидетельств намеренного лишения пленных элементарных человеческих прав, попираания их культурных, бытовых, религиозных обычаев. Значительную часть военнопленных составляли славяне – до половины общего состава. Положение пленных до февраля 1917 г. в целом было удовлетворительным. А.Н. Талапин отмечает, что пленные офицеры стали рассматриваться новой властью как “эксплуататоры, вредно влиявшие на иностранных пролетариев”. Офицеров держали в лагерях. Свобода слова, собраний означала большевистскую агитацию, которая признавалась необходимой, а всякая другая – вредной, контрреволюционной. К охране и наблюдению за группами “контрреволюционных” пленных привлекались вооруженные “революционные” пленные, отряды которых формировались с конца 1917 г.³⁵

Д.А. Безруков в исследовании системы управления военнопленными и использования их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг. при освещении советского периода плена отмечает, что большевистское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами, “гостями трудового народа”. Провозглашение свободы, по мнению автора, вызвало массовое неконтролируемое перемещение тысяч военнопленных, стремившихся найти работу и питание или самостоятельно добраться ближе к родине. Всероссийский съезд военнопленных в апреле 1918 г. принял решение предоставить всем пленным право решать по своему усмотрению, оставаться ли им в России или возвращаться на родину. Д.А. Безруков считает, что большинство пленных не желали участвовать в Гражданской войне в России³⁶.

Австрийские историки Х. Лейдингер и В. Мориц, описывая участие военнопленных Австро-Венгрии в Гражданской войне на территории России, отмечают, что страны Антанты были напуганы перспективой союза Ленина и Гинденбурга. Это спровоцировало захват войсками Антанты Владивостока и других российских портов. Большевики объявили военнопленных братьями русских рабочих. В книге приводится высказывание бывшего военнопленного венгерского коммуниста Б. Куна, что интернационалисты в Красной армии к марту 1919 г. составляли 30–35 тыс. чел., из них только 15–20% оценивались как идеологически стойкие. Австрийские историки считают, что роль иностранных военнопленных в Гражданской войне на территории России не следует переоценивать, но не надо и сводить к нулю, особенно в момент формирования Красной армии весной–летом 1918 г., когда боевой опыт и организованность военнопленных оказались наиболее востребованными³⁷.

В статье И.П. Павловой и Т.В. Ивлевой исследуется взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на ее территории пленных немцев в годы Первой мировой войны. Авторы пришли к выводу, что пленных немцев в Сибири

³⁴ Идрисов Э.С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. Оренбург, 2008 (Автореферат канд. дисс.).

³⁵ Талапин А.Н. Указ. соч., с. 16–18, 22–23.

³⁶ Безруков Д.А. Указ. соч.

³⁷ См. рецензию А.Ю. Ватлина на книгу Х. Лейдингера и В. Мориц “Плен, революция, возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917–1920 гг.” Вена, 2003. – Отечественная история, 2005, № 4.

не воспринимали как врагов. При этом пленные видели в местных жителях представителей менее цивилизованного народа³⁸.

Историки рассматривают вопрос о времени окончания репатриации иностранных военнопленных из советской России. На этот счет высказываются разные точки зрения. Д.А. Безруков отмечает, что последние пленные покинули Россию в 1920 г.³⁹ А.И. Остроухов отождествляет завершение реэвакуации чехословацкого корпуса 2 сентября 1920 г. с окончанием репатриации чешских и словацких военнопленных с территории России⁴⁰. С.Н. Васильева считает, что последние узники Первой мировой войны были возвращены на родину в течение 1922 г.⁴¹ По мнению А.И. Гергилёвой, в Советской России как законодательное оформление процесса репатриации, так и фактическое возвращение военнопленных на родину было затянuto и продолжалось до 1925 г. Отправляли в первую очередь военнопленных-членов РКП (б) для подготовки мировой социалистической революции⁴².

Подводя итог, можно отметить, что историками активно изучаются вопросы правового положения, управления военнопленными противника, их размещения, привлечения к труду, взаимоотношения с местным населением. Имеются работы, посвященные особенностям положения военнопленных в различных регионах России. Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России также находит отражение в современных исторических работах. Если советские историки утверждали, что большинство военнопленных под влиянием большевистской пропаганды разделяли идеи мировой революции и защиты революционных завоеваний в России, то с 1990-х годов отмечается, что большинство военнопленных стремилось избежать участия в российской междоусобице. В историографии изучается участие военнопленных в Гражданской войне в России как на стороне большевиков, так и антибольшевистских сил.

В ряде работ освещена тема организации в Российской империи национальных воинских формирований из военнопленных-славян, уделено внимание деятельности Центропленбежа по пропаганде и агитации среди иностранных военнопленных с целью привлечения их к вооруженной борьбе “с внутренней и внешней контрреволюцией”. Разные точки зрения высказываются относительно общей численности военнопленных, взятых российской армией – от 1,7 до 2,4 млн. чел., а также относительно времени окончания репатриации иностранных военнопленных из Советской России – от 1920 до 1925 г.

Неисследованной остаются темы принудительной мобилизации военнопленных, находившихся в России, в армию Венгерской Советской Республики; нарушений советской стороной межгосударственных соглашений по обмену военнопленными. Требуют ясности вопросы о результативности деятельности среди иностранных военнопленных культурно-просветительных отделов Центропленбежа и аналогичных местных отделов; мотивы вступления иностранных военнопленных в вооруженные формирования Красной и Белой армий и принятия ими советского гражданства.

³⁸ Павлова И.П., Ивлева Т.В. “Это люди, как и мы...”: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Взаимное восприятие. – Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2013, № 12 (38), ч. I.

³⁹ Безруков Д.А. Указ. соч., с. 13.

⁴⁰ Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. М., 2011 (Автореферат канд. дисс.).

⁴¹ Васильева С.Н. Указ. соч., с. 22–23.

⁴² Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007, с. 99–101.